

750 лет со дня рождения Шота Руставели

Афоризмы Шота Руставели

БЕССМЕРТНАЯ ПОЭМА

Проф. К. Кекелидзе

Совершенно исключительный и неповторимый в мировой литературе удел принадлежит Шоте Руставели.

Култ Руставели, установившийся в грузинской литературе, характеризуется тем, что последние поколения в своих произведениях обращались не к музеям, а к имени великого поэта. Они говорили: «Руставели, тебе молва, я дай мне волю творить». Они из лучших похвалителей Руставели творчески заимствуют. Ни одного поэта нельзя уподобить ему. Если кто-то пытается сравниться с ним, принимая на себя напастный труд. Если кто-то скажет «мне лучше», — это суждение потерпит крушение.

В XVII столетии возник специальный жанр спора с Руставели. Парф Теймураз Второй, поэт XVIII столетия, признает: «Вепхис Ткаосани» заменяет все другие поэтические творения, является предметом увлечения, любви всех живущих в Грузии.

Последующие поколения считают Руставели мерилом поэтического дара. Так, например, о Теймуразе Первом, поэте XVII столетия, сказано: «Он был парственине стихи, которые могли бы понравиться самому Руставели». О другом поэте говорится: «Посол он хорошо, но ему далеко до силы выражения Руставели».

Крупнейший грузинский поэт XVIII века Давид Гурамишвили пишет: «Я не могу назвать во всем мире поэта, который творил бы так возвышенно, с таким блеском, как Руставели. Мои стихи столь же похожи на его, как жемчуга, сколько отрок, забавляющийся игрой в пошлую с палкой, похож на опытного всадника».

После появления «Витязя в тигровой шкуре» была узаконена навсегда в произведениях эпического-героического и эпическо-романтического жанра форма руставелинского стиха, известная в грузинской поэзии под названием «шаври». Это силлабический шестистопный стих с четворной перестроенностью, поразивший неслыханным богатством ритма, плавностью в грузинской поэзии «мелодия». Этим великим стихом писали не только оригинальные великие, но и переводные. В наши дни «мелодия» используется в стихотворном обращении грузинского народа к вождю мирового пролетариата — великому Сталину.

В грузинской литературе мерилом даровитости поэта также считалось то, насколько он удачно пользовался этим стихом, насколько приближался к своему родополучателю, гениальному Шоте. Вместе с формой стиха в литературу последующего периода выливается почти весь художественный акцент поэмы Руставели, ее метафоры и описания, раскрывающие перед нами восторг богатейшей сокровищницы грузинской поэзии. Не познать ни один мотив словесной орнаментации поэта: на мира животных, птиц — лев, тигр, барс, олень, соловей, ворона; мира растений — кипарис, чинара, тростник, роза, фиалка, нарцисс, шафран; мира минералов — гишпер, аюл, рубин, алмаз, хрусталь. Все это, так же, как сравнение сражений с лудом, с чернильным морем, росой — пролившей слезой, аюлом — жемчугами — придает поэме последующих веков великий ритмический творчество Руставели. Все эти поэтические средства, равно как и целые образы поэмы, широко используются не только в оригинальных произведениях, но и в переводах, как например: «Ростомани» («Шах-Наме»), «Барам Гуриани» и других.

Интересно, что как в устном творчестве, так и в письменной литературе приписывали гениальному Руставели афоризмы и сентенции, вовсе ему не принадлежащие. В его поэму стихотворцы последующих веков вносили отдельные строфы, даже целые главы.

В грузинской литературе появились прямые продолжатели знаменитой поэмы. Прежде всего, видимо, читателей не удовлетворял конец поэмы. Они интересовались тем, какие установились отношения между главными героями впоследствии. По дополнению, возникшим не позже XV—XVI столетия, герои поэмы остаются братьями, друзьями, вместе уничтожают врагов, вместе делят радости и печали. Появились рассказы о войне вилей против хварамов и хатов, а также завещания их и героинь поэмы.

Некоторые читатели захотели даже знать взаимоотношения потомства героев «Витязя в тигровой шкуре». На этой почве в начале XVII столетия возникает поэма «Оманиани», автор которой венчает дочь Тинати и Автандила с сыном Нестан и Тариели и пишет интересный рассказ романтического характера о наследнике их Омаине.

Наконец, в последней четверти XVIII столетия была написана поэма «Сети поэтических». В ней красавица руставелинского стихом перекрывает вилей, приключенческие образы и мысли бессмертной поэмы Руставели.

Чтобы представить себе, как велики были влияние и популярность Руставели в Грузии, достаточно вспомнить, что, несмотря на жестокие гонения, которым подвергалось его поэма со стороны клерикальных кругов, по мнению которых «Витязь в тигровой шкуре» развращал общество и подрывал основы семейной морали, поэма все же изучалась, велась к народу. Во вилей, как самое дорогое сокровище. Поэма сохранила громадное фольклорное наследие: нет уголка в Грузии, где не возникло бы своеобразной народной вариации поэмы.

Титульный лист первого печатного издания поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», напечатанного в Тбилиси в 1912 году.

Во всей истории мировой литературы едва ли сыщется поэт, который был бы столь же, если так можно выразиться, афористичен, как великий Шота Руставели. В его поэме «Витязь в тигровой шкуре» рассеяно свыше двухсот афоризмов в один, два, три и четыре стиха.

В этом отношении Шота Руставели оставляет далеко за собой всех известных в мировой литературе эпических и героических поэтов, начиная от легендарного Гомера и кончая крупнейшими представителями эпической поэмы XVII—XVIII веков.

Эпическая поэма, необходимая богатая сюжетом, вообще как будто не дает простора для философских афоризмов. Этот вывод можно сделать и опытным путем, изучая под данным углом зрения и Гомера и Вергилия, и Данте и Мильтона, не говоря уже о таких более второстепенных произведениях эпической поэмы, как «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо или «Генриада» Вольтера.

У многих классиков эпической поэмы встречается не мало чрезвычайно метких, лаконичных выражений, поэтических изречений, замечаний, сентенций, даже обобщений, которые входят в литературный и разговорный обиход на правах цитат и по предисказанию можно почитать культуры «сравнительно» нашу обильную речь. Однако эти изречения обычно оказываются лишены решающих констатаций единичных фактов (например, «Нет великого Патрокла, жив преемственный Терсит» у Гомера) или выражениями, характеризующими определенную ситуацию (например, «Оставь надежду всяк сюда входящий» у Данте — надпись на вратах ада) или просто краткими выразительными репликами (например, «Quos ego!» у Вергилия).

История мировой литературы знает много таких цитат в самом лучшем смысле слова. Однако не всякая цитата есть и по своему смыслу своему и по своей литературно-бытовой функции афоризм; последний должен содержать в себе определенную философскую, философскую идею и — в случае социально-философского содержания — должен быть максимой поведения человека.

Сказав поэтически, выразительная художественно, такая максима поистине заслуживает название философско-поэтического афоризма; она врезывается в память и обогащает читателя, идейно вооружая его. Именно таковы афоризмы Руставели, для которых, как и для всей поэмы, он требует «мыслишь шире в оправе тесной».

Поэт, а не философ по призванию, Руставели сознательно упустил, имея к тому все данные, свою поэму философскими и этическими афоризмами, но поэма была бы лишена своего единства, мудрости. «Дар напевов» — это область в парстве мудрости «высокой», — так определил он поэзию.

По одним афоризмам, не прибегая к каким-либо гипотетическим выкладкам, чем так богата литература у Руставели, не строя никаких догадок, можно восстановить в общих чертах все мировоззрение великого Шота. Это мировоззрение лишено какой-либо первоначальной доктрины, чем Руставели весьма выгодно отличается от Данте, и в религиозно-философском отношении представляется собой по существу некий род светозарного, солнечного деизма. До десяти афоризмов посвящает Руставели своему долговечию, впрочем, абстрактному блаженству, которое никогда не фиксирует у него под еще более общим понятием неба.

Важность Руставели отнюдь не является

• Все цитаты даны в переводе Г. Чакарава.

«Витязь в тигровой шкуре» — это гениальное произведение XII века — нигде и когда не изучалось с такой любовью, тщательностью и научной глубиной, как в наши дни, в эпоху великого Сталина в Советской стране. В связи с 750-летним юбилеем со дня рождения бессмертного поэта проведена огромная работа по научному изучению его поэмы и по скрупулезно точному воспроизведению быта и обстановки, в которых протекала жизнь, деятельность и творчество гениального Руставели.

Получившаяся огромной популярностью поэма «Витязь» является национальным сокровищем. Характерно, что в переводе прилагного, поэма Руставели занимала одно из первых мест наряду с золотом, серебром, драгоценными камнями. Так, например, в одном из стихотворений народной поэзии — «Тост» говорится:

В приданое все, по закону,
Дай я дочери своей,
Вдобавок Вепхис-ткаосани,
Всех в мире жемчужин ценней.

Многогранна и неизмерима роль Шота Руставели в истории культуры Грузии. Поэма «Витязь в тигровой шкуре» оставила незабываемый след в развитии всей последующей грузинской письменной и устной литературы. Этот бессмертный памятник классического искусства был всегда объектом подражания со стороны позднейших поэтов. Все они стремились найти «в нем поучение», стараясь «переложить коротким словом многословное речение Руставели». Общественные идеи, художественно воплощенные в его поэме, достигшие совершенства, влияли на походы на совершенные отпрыски подвигов, ободрили угнетенных и павших духом, ибо «само слабой в ире борень, благо шествует творя».

Величайшей любовью народа овеяно произведение «Вепхис-ткаосани», всюду распевавшееся оно. В любом уголке Грузии есть множество сказителей, знающих наизусть всю поэму-роман Шота Руставели. Это по преимуществу неграмотные или малограмотные старики-крестьяне, цитирующие на память какой-то отрывок поэмы.

Афоризмы Шота Руставели навсегда вошли в обиходную разговорную речь, эти гениально философские, сказки изложенные изречениями удачно пользуются народ в своей повседневной жизни. Великий поэт до того органически связан с народом, что иногда стираются границы между его творчеством и творчеством народа. Заставляя трудно установить, кому принадлежат те или другие мудрые изречения — поэту или народу.

Этим далеко не исчерпываются взаимоотношения Руставели и народом. Громадное распространение имеют среди народных масс Грузии различные устные варианты «Витязя», которые в одних местах переложены под именем «Тариели», в других просто под именем «Тариели». В некоторых местах вовсе не упоминается имя славного руставелинского героя, и народ в своих сказаниях именует его «примешем паря». Этот факт взаимности Руставели с народом не учитывался руставеловедом. До последнего времени народные варианты поэмы не были даже подобраны и классифицированы.

И. Луппол

абсолютным добром: «мудрый знает, что от бога свет добра и сумрак зла». В общем это богатство философски настроенного поэта XII века благожелательно к людям: «Знай, что милости создатель, хоть скупа стезя земная», — говорит Автандил, который очень часто выступает в поэме не только как один из главных героев, но и как alter ego самого автора. Однако благожелательность свою не направляет преимущественно к тем, кто этого достоин: «кто достоин, милость свыше небо ниспосылает тому». Но как увидим дальше, это достоинство человека пред лицом неба отнюдь не достигается никакими-либо специфическими церковными или религиозно-культурными средствами — дело вовсе не в молитве, постах, аскезах или духовном смирении, а в морально-человеческих и героических принципах и делах. Напротив, «небо посылает бедя тем, чья низка помысленность».

Мир, творение такого необозримого блага, конечно, не может доставлять человеку только радость; скорее наоборот, он полон испытаний и тягот, ала и скверны. «Мир загадочен, как вечер, сумрачной пошлостью», — говорит Автандил. Верить в благо мира невозможно: «столько тот поверит миру, кто заклятый враг себе», — констатирует сам автор, в Нестан-Дареджане говорит: «Мудрый познает земное, живя, не будучи ослепленным». Им вторит и Тариели: «кто поверил в мир неверный, дни свои закончит бытие». Не дано избежать людям вероломства бытия.

Но отсюда не следует, что в согласии с христианской доктриной всю ценность бытия нужно перенести в некий «потусторонний», загробный мир. «Умереть, печали близкий, в этом нет, поверь, добра», — советует верная Асмат; «умирай грешно до срока, отказавшись от борьбы», — утверждает Автандил. Он же выражается еще решительнее: «Как бы ни была желанна смерть наступившему роком, нало жить, но имя жизни, за живущих жизнь отдать».

Это жизнеутверждение, жизнеистинность — характерная черта мировоззрения Руставели, которая выводит его на действенный путь в решении проблемы: рок, судьба, провидение — человек. Около восемнадцати афоризмов посвящает Руставели этой если не традиционной, то во всяком случае существенной для современной ему литературы проблеме. Провидение и судьба выше и сильнее человека, — таким было обычно решение этой проблемы. Такого сохранения и ряда афоризмов Руставели: «Что не суждено, не будет, не избежит нам судьба», — говорит Автандил; «предрешено свершится! Нам судьбы не обойти», — повторяет Тариели.

Однако и в этой проблеме налицо высвобождение Руставели из мировоззренческого круга средневековья. Во-первых, его жизнеутверждение и жизнеутверждение требуют от человека выдержки и героизма, а не слепой милости провидения. Так Автандил утверждает: «Есть закон для твердых духом — сохранить в беде терпенье; он же говорит: «Духом пасть и убитаясь — это бесчестно дуста». Человек не может и не должен быть нерадив в отношении самого себя, своей жизни; само «провидение» оставляет нерадивых в час бед, унылых же «должен все устроить, с провиденьем быть в ладу».

Во-вторых, провидение вовсе не содержит в себе понятия о каком-либо мировом порядке, в конце концов оно может означать и произвол, и почему же жизнеутверждающий человек не должен бороться с

этим произволом? «Славят тех, кто не сгибает спорит с произволом мира», — говорит Тариели. Этот афоризм Руставели означает по существу уже совершенно иное, философское решение проблемы «провидения — человек».

В своих действиях, во всем своем поведении человек опирается на две силы — разум и сердце. «Нужен разум человеку, чтоб найти себе опору», — говорит Асмат, а умудренными годами Ростван заявляет: «Если разум твой советчик, бедняком прожить не сможешь».

Разум приобретает трудом и опытом, беседами с хорошими наставниками и советниками. «Почувствуй», — говорит Автандил, — ведь известно: неуч — то же, что ослеп; «умный радуется наставнику, и противен он лгунам», — в то же время повторяет Тариели. «Следуй мудрым поученьем, что подсказывает опыт; сотню выслушав совет, одно глубже замислишь», — таково еще одно указание Руставели — Автандила.

Руставели не противопоставляет сердце и разум, для него это, собственно говоря, не две силы, а сила двойная, каждая сторона которой имеет лишь свои специфические особенности. Так Асмат говорит: «Сердце, дух и разум ясны — все единой цепью авенья: дух и разум гибнут с сердцем, если умерло оно». Таким образом сердце, чувство, по Руставели имеет даже преимущество перед разумом. Причина этого аса из следующего афоризма, который Руставели выдает в уста Тариели: «Сотню выслушав совет, следуя сердцу — мудрость в нем». По мысли Руставели, сердце есть не какое-то алогическое, неразумное начало, а начало чувствующее и вместе с тем мудрое.

Поэтому то все добродетели Руставели, вернее сказать, все, по его мысли, идеальны и высокие качества человека, принципы человеческого поведения и действия одновременно и чувственным в философском смысле этого слова и разумны. Таковы любовь, дружба, верность и мужество.

Чувству и идею любви Руставели посвящает больше всего афоризмов — по крайней мере до сорока. Руставелинское понимание любви изложено им специально, если известно, во вступлении к поэме. Но эта же идея проходит и через все афоризмы. Любовь Руставели — не разврат, не блуд, но и не некая «потусторонняя», «бесбесная» любовь без носителя и объекта; любовь Руставели — земная, человеческая, кровная и прежде всего «родство душ», такая любовь возвышает, очисляет, как бы облагораживает человека: «любить, духом возвышаясь, ты рожденья сможешь снова, а отделившись возделая, обратившись в жалкий прах», — говорит сам автор во Вступлении.

Любовь — одно из сильнейших чувств; она таит в себе бесконечные радости, но с ней неминуемо сопряжены и горести: «что с нашей сныты бед, смертным твердо помнить надо»; в другом месте тот же Автандил перелает центральную мысль Руставели о любви:

«Стерегут влюбленных беды.
Укрываться бесполезно!
Но вкушавший горечь жизни полнокен
вкупает мед.
Знай, любовь таит опасность,
смертного кружа над бедной,
Дав неопытному опыт, мудреца с ума
сведет».

Но как бы ни было сильно это чувство, амаз любви уступает в глазах Руставели драгоценному камню дружбы. До двадцати афоризмов посвящает Руставели дружбе.

Основное их содержание передают следующие два центральных:

Надо дружить ради друга не страшиться испуганий,
Откалывая сердцем сердцу и мостить любовью путь.

Любящий поймет влюбленных: он участник их страданий.
Нам без друга жизнь не в радость,
как сладка она ни будь!

Второй из этих афоризмов носит характер прямых правил дружбы.

Вот пути, чтобы в сердце друга не утасовало дружбы лаяма:
Первый — быть с ним неразлучно:
следовать за ним всегда.

Путь второй, — презрев богатства,
радовать его дарами,
когда грозит беда.

Третий — быть опорой другу в час, когда грозит беда.
Любовь и дружба, вернее любовь-дружба, исключают каку? бы то ни было ложь в человеческих отношениях и предполагают прямоту и верность. Руставели ненавидит всякое двоедушие, двуличность, неискренность. Вопросам верности и осуждению неискренности Руставели посвящает до полутора десятка афоризмов.

Автандил восклицает: «Презираю человека, в ком предательство и ложь». Человек, который разглагольствует близкого, а на самом деле таит в себе враждебность, хуже и нежнее прямого врага: «Недруга опасней близкий, оказавшийся врагом».

Не откалывая наказания вероломным и предавшим до того света, Руставели требует для них возмездия теперь же, при жизни и не только в смысле некоего морального утешения в глазах верных: «Не вед к добру коварство, но и в смысле прямого требования: «Вероломному и злому сердце пусть пронаит клинок».

Любовь, дружба и верность должны проявляться на деле; это их проявление заключается в мужестве и героизме. Свыше двадцати афоризмов уделяет Руставели теме мужества и героизма. «Славят тех, кто не сгибает спорит с произволом мира», — этот афоризм уже цитировался. «Лучше гибель, но со славою, чем бесславных дней позор», — говорит еще Руставели. Мужественные борцы, храбрые и герои сохраняют свои имена в потопстве: «Храбрецов, свершивших подвиг, смертные боготворят».

Основные идеалы социальной философии Руставели, истинно человеческие чувства любви, дружбы, верности и героизма были вложеном подсказаны ему родившим его народом. На протяжении веков феодальной и капиталистической эпох эти светлые замыслы-идеалы Руставели не могли воплотиться, вочеловечиться. Его гуманизм оставался философско-поэтическим гуманизмом мыслителя-художника. Они, эти идеалы, жили в бессмертной поэме Руставели, и народ пронес их через столетия тяжелой жизни угнетенных.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции, с уничтожением эксплуатации человека человеком рухнули преграды для воплощения поэтических образов и идей Руставели. В советском гуманизме, в жизни советских народов торжествует по-новому и полнокровно идея любви, дружбы, верности и героизма.

Построив социалистическое общество, прокладывая путь дальше к коммунизму, советские народы с уважением произносят имя создателя поэмы «Витязь в тигровой шкуре», имя творца гениальных философско-поэтических афоризмов, свершающих и теперь из глубины XII века.

РОДИНА РУСТАВЕЛИ

С. Макалатия

В заключительных строках своей гениальной поэмы Руставели говорит (цитирую по переводу Бальмонта):

«Тут свой труд кончая скромный — о, как время вероломно!
Тех, чья доблесть столь огромна, в мире свет уже погас».

Мир — лишь миг. И в самом деле, дни цвели и дни потлели.

Мех безвестный, Руставели, написал с этот скаж».

Таким образом автор «Витязя» называет себя мехом из Руставели. Мехети в феодальную эпоху была одной из передовых областей Грузии. Входя в состав восточной провинции Грузии, Мехети-Джавахети, Мехети имел в эпоху Руставели важное стратегическое значение. Из Мехети по ущелью Куры шла военная и торговая дорога на восток и в европейские страны. Отсюда феодальная Грузия поддерживала культурно-политические и торговые связи с Арменией, Ираном, Грецией и малазийскими государствами. Поэтому в древних времен огромное внимание уделялось укреплению подступов к Мехети.

Безуть по ущелью Куры был защищен первоклассными крепостями. В царствование Георгия Третьего и царя Тамары у мекетских ворот в скалах был сооружен укрепленный монастырь — Бардаия. Царя Тамара часто посещала этот монастырь и в стенах его поныне сохранились ее портреты и портрет ее отца Георгия Третьего.

Узкий горный проход заставлял Мговскую крепость, далее по направлению Ворм-Тбилиси, вдоль мекетской дороги, были расположены крепости Хертвио, Аспинда, Сурам, Гори.

Местность Рустави, которая является родиной гениального поэта, расположена на знаменитой мекетской дороге. Мехети — очаг зарождения письменности и литературы этого языка Грузии. Отсюда в эпоху Руставели вышли знаменитые писатели и поэты: Григорий Хандзели, VIII век, Ефрем и Георгий Мташвили, IX век, Ефрем — Ефрем Мташвили, Иоанн Петрици, описавшие поэты — Иоанн Шавтели, Саргис Ткопели, Чакраудзе.

Административно-политическим центром Мехети был древний Самцхе, нынешний Ахалцих.

Мекетский Рустави сейчас представляет собой маленький деревен в двадцати шести сотрах. Она расположена недалеко от Куры, в 18 километрах от Ахалциха и занимает полностью обширную долину, которую с юга на запад окружают высокие скалистые горы. Руставская равнина плодородна, дает хорошие урожаи хлеба, фруктов. Руставские сады орошаются родниковой водой, берущей начало из скалы «Красная гора», откуда получил свое название Рустави, означающее исток родника.

На расстоянии 150—200 метров от шоссе Ахалцих—Аспинда есть возвышение в форме кургана. По народному преданию это могила Руставели.

Вокруг имени великого поэта создано много народных преданий. Приведем одно из них, рассказанное нам в Рустави колхозником Давидом Кавтарадзе. Шота и его братья пришли сюда в горы Пах-рахи. У него было два сына, Шота и на них младший. Отец Шота погиб от руки врагов; малолетние сироты остались на попечение дяди. Для получения высшего образования он отправил обоих племянников сначала в Кахетинскую академию, впоследствии в Византию. Старший брат Шота, придворный поэт царя Тамары, был назначен министром Тамары из Грузии. Оставшись в Грузии Шота царя Тамара предлагала много денег, но он отказался принять только то, что должно было принадлежать Бардаия. Зная, что победил дочь владетеля Ормопи, крепости, находившейся на дороге Бардаия, и дал слово жениться на ней, но царя Тамара решила женить ее на дочери владетеля Коли, которому принадлежали все земли Коли до Папки. Шота вынужден был исполнить приказание царя. Дочь владетеля Ормопи при встрече с Шота на дороге в Бардаия закололась ножом — им подаренным.

Народное предание гласит, что после этого родной Рустави опустылся Шота и, по просьбе поэта, царя перевела его казначеем в Тбилиси. Здесь Шота написал «Витязя», посвятив его царю. Влюбленный в Тамару и не забывавший ее взаимности, разочарованный Шота отправился в Иерусалим, где построил монастырь, здесь он скончался.

Делегация писателей в Тбилиси

Сегодня из Москвы в Тбилиси выезжает делегация советских писателей на торжественный пленум правления Союза советских писателей, посвященный 750-летию со дня рождения гениального грузинского поэта Шота Руставели.

В состав делегации входят все члены правления Союза советских писателей, редакционная комиссия, писательский актив и представители национальных республик.

В состав делегации входят все члены правления Союза советских писателей, редакционная комиссия, писательский актив и представители национальных республик.

В состав делегации входят все члены правления Союза советских писателей, редакционная комиссия, писательский актив и представители национальных республик.

Страница из первого печатного издания поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», напечатанного в Тбилиси в 1912 году.

Мих. ЧИКОВАНИ

РУСТАВЕЛИ И НАРОД

Портрет Шота Руставели (из грузинской рукописи XVII века)

стали с народом не учитывался руставеловедом. До последнего времени народные варианты поэмы не были даже подобраны и классифицированы.

В памяти народа сохранилось не только самый сюжет «Витязя», но и множество сказаний исторического характера о личности Руставели. В народной памяти великий поэт живет как реальная личность, старики-сказители повествуют о его рожденьи, происхождении, образовании и личной жизни. Эти сказания красочно описывают, как уехал молодой Шота в Грецию для завершения философского образования, как тосковал по нем оставшаяся на родные возлюбленная, как возвращался он из Греции, как был принят царем Тамарой. Подобные повествования можно слышать не только в тех районах, о которых уже упоминалось, но и в Грузии, не исключая самых отдаленных местностей. В нашем распоряжении

есть сейчас несколько вариантов народного «Вепхис-ткаосани». «Таризлиани», записанных в разное время в самых различных районах Грузии, отличных между собой по местному диалекту.

Трудящийся народ Грузии сохранил до нашего времени образ любимого поэта. В сказаниях, записанных в Мехети-Джавахети, подробно описываются интересные моменты из биографии Руставели. Народ сохранил память не только о самом поэте, но и о его отце, надо полагать, весьма влиятельном человеке в Рустави.

Отец Шота, — говорит один из жителей села Мухи, — был гордый и очень способный человек, обладавший прекрасным домом. Он отличался остроумием, находчивостью, был самокритичен и сочинителем сатирических стихов».

Согласно этому преданию, отца Шота в день рождения поэта отравили в селе Па-

тара-Тени во время свадебного пирашества в доме Усеа Батон (до сих пор существует географическое название «Дуга Усеа»). Его родственники, не желая, чтобы Шота и его братья были отравлены, обратились к своим родственникам, то для нас ставшей уже литературно-семейная среда, в которой родился будущий гениальный поэт, с детства выпитавший любовь и стремление к поэзии.

Существует много версий по поводу любовных переживаний Шота Руставели. Народ настойчиво повторяет следующую версию. Шота был влюблен в дочь Патарашенского, владетеля Элишара — Нино, девушку редкой красоты. Перед отъездом в Грецию молодые люди поклялись в верности друг другу. Прошло шесть лет. Шота, завершив свое философское образование, привез обратно на родину. Ему не удалось в первый же вечер повидать любимую. Мужчины поодиночке и ревновали. Нино подкрадывается к дому Шота, заглянула в окно и видит, что за столом сидит поэт, а возле него, наклонившись, какая-то девушка. Нино принимает девушку за жену поэта и в отчаянии кончает самоубийством. Между тем, говорит предание, девушка, вызвавшая ревновать Нино, была сестрой Шота.

По другому преданию, Шота был влюблен в царя Тамару, которая отдала ему взаимность, но на государственных соображениях не могла стать его женой.

Восторженное изучение личности поэта и его произведений невозможно без обращения к фольклорному материалу. Наряду с литературными источниками и памятниками материальной культуры эпохи Шота Руставели ценные сведения о его личности представляет в наше распоряжение народное творчество. Поэтому мы должны поставить своей неотъемлемой задачей углубление работы по изучению богатейшего грузинского фольклора о Шоте Руставели.

Монументальный «Витязь», этот «перл единственно прекрасный», пройдя «веков знаменитую даль», все так же неизменно стоит. Стиль этого произведения является классическим стилем древне-грузинской литературы. Язык Шота отличается от современного языка не только формальными особенностями, но и синтаксисом и лексикой. В поэме встречается масса слов и форм, требующих научных разъяснений. Некоторые языковые формы в настоящее время сохранились по преимуществу в местном диалекте.

Тысячу раз прав покойный языковед-руставеловед академик Марр, заявивший, что в Грузии, Мехети и других местностях «Витязь» более понятен, чем какое-либо другое произведение последующего времени.

Это обстоятельство ставит перед наукой неотложную задачу изучения лексики и стиля Шота Руставели в тесной связи с местными диалектами, для чего необходимо вести точную запись народной речи. В первую очередь необходимо шире развернуть работу по учету записей, передающих сюжет поэмы. Это даст возможность сопоставить, как изложен один и тот же момент в передаче Шота и народа. Такое сопоставление, по нашему мнению, прольет свет на многие интересные проблемы.